

на стр. 165, что „датировка итало-греческих икон является делом весьма трудным“), но не всегда убеждают читателя: так, например, неясно, почему икону богоматери, воспроизведенную на стр. 189, или образ Георгия и Димитрия (стр. 168) автор относит к итало-греческой школе позднего XV в., а не к итало-критской XVI в. Данная им самим характеристика этих памятников (стр. 166) казалось бы соответствует именно этой, более поздней, дате. Подобные неясности имеются и в других случаях.

Соглашаясь с В. Н. Лазаревым в том, что произведения итало-критской школы XVI—XVII в. „не согреты дуновением живого искусства“ (стр. 188), полагаем, однако, что их дальнейшее изучение представляет интерес не только в „плане церковной археологии“ (стр. 188), но и с целью исследования одной из разновидностей художественного ремесла. К этому обязывает богатство собраний советских музеев.

А. В. Банк

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ ПСЕВДО-ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА

В опубликованных работах „Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита“¹ и „Руставели и Восточный Ренессанс“² действительный член Академии наук Грузинской ССР проф. Ш. И. Нуцубидзе выступает с весьма интересной, на первый взгляд, научной гипотезой. Он пытается доказать, что один из крупнейших мыслителей христианского мира, известный под именем Дионисия Ареопагита, был не Дионисием, членом афинского ареопага, которого, по рассказу „Деяний“, апостол Павел обратил в христианство,³ а грузинским царевичем Мурваном (424—492), смолоду попавшим в качестве заложника в Константинополь во дворец императора Феодосия II и получившим в Афинах (вероятно, под руководством Прокла Диадоха) философское образование, но потом впутанным в какую-то придворную интригу и принужденным удалиться в Сирию. Здесь царевич Мурван постригся в монахи, приняв имя Петра, а впоследствии занял пост епископа местечка Майумы, близ города Газы. По гипотезе проф. Нуцубидзе, этот майумский епископ Петр, прозванный по месту своего происхождения Ивером, т. е. Грузином, и был действительным автором философских трактатов „Об именах божиих“, „О мистической теологии“, „О небесной иерархии“, „О церковной иерархии“, которые потом получили широкое распространение под ложным названием произведений Дионисия Ареопагита, — т. е. Петр Ивер был Псевдо-Дионисием Ареопагитом.

Таково вкратце содержание гипотезы, выдвигаемой Ш. И. Нуцубидзе.

Нельзя не отметить, что до сих пор эта гипотеза не нашла себе никакой оценки на страницах наших журналов, несмотря на статью Л. М. Меликсет-Бека, призывавшую ученых мир откликнуться на труд проф. Ш. И. Нуцубидзе.⁴

Судя по работам Ш. И. Нуцубидзе, мысль объявить Петра Ивера Псевдо-Дионисием была подсказана ему Густавом Крюгером, который в статье „*Wer war Pseudo-Dionysius*“ высказал предположение, что

¹ Ш. И. Нуцубидзе. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1948. В дальнейшем цитируется сокращенно: Тайна.

² Ш. И. Нуцубидзе. Руставели и Восточный Ренессанс. Тбилиси, 1947. В дальнейшем цитируется сокращенно: Руставели.

³ Деяния, XVII, 34.

⁴ Виз. вр., т. II, 1949, стр. 373—375.

автором ареопагитики мог быть некий сириец Дионисий.¹ Связав предположение Крюгера с сообщением из другого источника, что сириец Дионисий был знаком с Петром Ивером,² Ш. И. Нуцубидзе пришел к выводу, что не сириец Дионисий, а грузин Петр должен был быть автором ареопагитики.³ Таким образом, главное положение работ Нуцубидзе было легко найдено, и оставалось только обосновать его.

Если принять за исходный пункт мнение Лаврентия Валлы, впервые доказавшего подложность ареопагитских книг, тогда естественнее всего было бы предположить, что „*Corpus Dionysiacum*“ принадлежит человеку, носившему имя Дионисия и поставившему это имя на своих сочинениях. Переписчик же, не знавший их автора, но знакомый с вышеупомянутым рассказом „Деяний“, прибавил к этому имени прозвище „Ареопагит“, отождествив таким образом Дионисия с Дионисием Ареопагитом. Причин такого отождествления могло быть много, но одною из них не невозможно считать самое содержание сочинений Дионисия. Главная мысль одного из этих сочинений („Об именах божиих“, т. I, § 1) состоит в том, что бог непознаваем (ἄγνωστος). Но в рассказе „Деяний“ апостол Павел, обращаясь в Ареопаге с речью к афинянам, говорит, что он пришел открыть им того бога, которому они воздвигли алтарь с надписью „неведомому богу“ (ἄγνωστῷ θεῷ).⁴ Вот этот „неведомый“ (т. е. еще не познанный, но могущий быть познанным) бог, почитателем которого в рассказе „Деяний“ мыслится вместе со всеми афинянами и Дионисий, член Ареопага, легко мог в представлении не очень изощренного в философских тонкостях переписчика слиться с „непознаваемым“ богом Дионисия, автора сочинения „Об именах божиих“. А отсюда был один шаг до отождествления Дионисия, написавшего сочинение „Об именах божиих“, с Дионисием Ареопагитом.

Однако это естественное предположение не удовлетворяет Ш. И. Нуцубидзе,⁵ и он предлагает свою гипотезу, которая, по существу говоря, есть то же самое наше естественное предположение, только вывернутое наизнанку и оттого ставшее искусственным и мало убедительным.

По этой гипотезе, человек, написавший ареопагитику, не носил имени Дионисия, а носил имя Петра; впервые же приписал эти сочинения Дионисию Ареопагиту не никому не известный и, быть может, не очень образованный переписчик, а лучший друг Петра Ивера, большой для своей эпохи ученый и философ Захарий Ритор, бывший „в курсе всей современной литературы в области философии и теологии“,⁶ и прекрасно знавший, кем, когда и при каких обстоятельствах „*Corpus Dionysiacum*“ был написан.⁷ Короче говоря, совершенно было не совсем благовидное деяние („сознательное извращение действительности“)⁸ и совершил его, не без содействия со стороны Петра Ивера,⁹ Захарий Ритор, которого сам же наш автор называет „писателем и мыслителем вполне серьезным, заслуживающим всякого уважения“.¹⁰

¹ BZ, XIII, 1899, стр. 302 сл.

² Richard Raade, Petrus der Iberer, стр. 95 сл.

³ Тайна, стр. 3, 10—11.

⁴ Деяния, XVII, 23.

⁵ Тайна, стр. 2.

⁶ Там же, стр. 15.

⁷ Руставели, стр. 114, 116.

⁸ Тайна, стр. 16.

⁹ Тайна, стр. 23; Руставели, стр. 115.

¹⁰ Руставели, стр. 114.

Какая же причина могла заставить Захария „сознательно извратить действительность“ и, приписав сочинения своего друга Петра Ивера Дионисию Ареопагиту, впервые создать таким способом „тайну Псевдо-Дионисия Ареопагита?“ Почему Петр Ивер не только не воспротивился этому обману, который Ш. И. Нуцубидзе в эвфемистических целях называет „неправдою“, но сам до некоторой степени способствовал ему?

На эти естественно возникающие у читателя вопросы автор дает ответ, который едва ли можно признать вполне удовлетворительным. По его словам, Захарий приписал книги Петра Дионисию для той лишь цели, чтобы поднять их авторитет и тем самым „укрепить позиции монофизитов“.¹ Но не ясно ли, что поднятие авторитета книг Петра лишь в том случае можно было бы считать полезным для партии монофизитов, если бы было доказано, что содержание этих книг (т. е. ареопагитики) было монофизитское, явно антихалкедонитское? Между тем автор уклоняется от такого доказательства, хорошо, повидимому, понимая, всю его трудность.² В итоге получается, что Захарий Ритор, приписывая книги Петра Ивера Дионисию Ареопагиту, „говорил неправду“ и „сознательно извращал действительность“ без всякого разумного смысла, что едва ли вероятно.

Но дальше мы узнаем, что Захарий Ритор не просто „говорил неправду“, но создал целую систему искусно придуманных „неправд“. Приписав книги Петра Дионисию, Захарий, по словам автора, заметил, что после такой операции Петр теряет право на звание писателя, и, чтобы „восстановить справедливость“³ и вернуть Петру обратно это право, Захарий придумал вторую „неправду“. Такой „неправдою“ считает автор сообщение Захария Ритора о том, что некий Иоанн Александрийский часть своих сочинений выдал за произведения Петра Ивера, делая это с той целью, „чтобы верующие вдали в обман и приняли их“. Но раз как-то Петру попалось под руку одно из таких сочинений Иоанна, „когда Петр взял его и прочел, то был поражен и проклял того, кто его написал“,⁴ — таково сообщение Захария, которое автор считает его второй „неправдою“.

По мнению автора, Захарии хорошо было известно, что никакого Иоанна Александрийского никогда не существовало, и этой второй своей „неправдою“ он хотел только сделать „косвенный намек“ на то, что Петр Ивер был писателем и „имел авторское имя“.⁵ В противном случае нельзя было бы, по мнению Нуцубидзе, понять ни того сообщения Захария, что Иоанн приписал Петру свою книгу, ни другого его сообщения, что Петр проклял фальсификатора только после того, как прочел его книгу. Если Петр Ивер не был писателем, то ему нельзя было бы приписать книги, ибо приписать книгу можно лишь лицу, имеющему имя писателя, кроме того, ведь и до прочтения этой книги Петр, не будучи писателем, не мог не знать, что она фальшива, — так рассуждает проф. Нуцубидзе.

Однако искусственность его соображений настолько очевидна, что нет надобности подробно опровергать их. Захарий не мог выдумать

¹ Тайна, стр. 23, 18.

² В сочинении Псевдо-Дионисия нет признаков монофизитизма. По словам Крюгера (BZ, VIII, стр. 304), „die areopagitischen Schriften sind gerade in Palästina zuerst auch von Orthodoxen benutzt“.

³ Тайна, стр. 19.

⁴ Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor, стр. 18.

⁵ Тайна, стр. 18, 17; Руставели, стр. 115.

рассказа об Иоанне для той только цели, чтобы этим намекнуть на писательство Петра Ивера, так как Захарий не мог не знать, что и не писателю можно приписать книгу. Ведь, по утверждению автора, знал же Захарий Ритор, что Дионисий Ареопагит не был писателем, но это не помешало ведь Захарию приписать Дионисию книги Петра. К этому следует прибавить, что если Захарию непременно хотелось сказать, что „Петр писал книги и имел авторское имя“, как это старается доказать проф. Нудубидзе, то ведь он мог это сделать совершенно просто, говоря без обиняков, что Петр писал книги, и не прибегая к „неправде“, которая вдобавок даже и не указывает с достаточной определенностью, что Петр был писателем. И, наконец, какая необходимость требовала от Захария сохранять „авторское имя“ за человеком, сочинения которого им же были приписаны другому лицу? Никакой логики здесь в рассуждении проф. Нудубидзе не видно. В итоге же получается, что Захарий Ритор, этот „заслуживающий полного уважения“ писатель и мыслитель, нагромождая одну „неправду“ на другую и „заведомо ложно“ приписывая сочинения Петра Ивера Дионисию Ареопагиту, создал „тайну Псевдо-Дионисия“¹ только для того, чтобы дать проф. Нудубидзе повод разгадать ее!

По нашему мнению, раз философ и историк Захарий Ритор, очень близко стоявший к Петру Иверу и даже составивший его биографию (не дошедшую до нас), сообщает, что сочинение „Об именах божиих“ написал Дионисий Ареопагит,² то это доказывает, что оно не было написано Петром Ивером. Если же это сочинение на самом деле не принадлежит Дионисию Ареопагиту,³ то из этого следует, что Захарий не знал его настоящего автора. Тщетно пытается проф. Нудубидзе укрыться от логики этого простого рассуждения в тумане слишком искусственных построений: попытки его не приводят к убедительным результатам.

Это нужно сказать, между прочим, и об его попытке доказать, что в V в. на всем христианском Востоке „не видно“ и не было, кроме Петра Ивера, другого человека, „которого в какой-либо мере можно было бы рассматривать как возможного автора ареопагитских книг“.⁴ Такая попытка более чем смела со стороны ученого, который не столь давно стал ориенталистом: „невидимое“ для глаз такого ориенталиста не то же самое, что несуществующее в природе. Взяв, вероятно, учебник Ибервега по истории средневековой философии в качестве отправного пункта для своих поисков автора ареопагитики и вообразив себе, что таким путем „среда, в которой возникли ареопагитские книги, поддается точной исторической установке“,⁵ проф. Нудубидзе свел весь христианский Восток к трем городам (Константинополю, Александрии и Газе), а число мыслителей христианского Востока ограничил шестью лицами. Заменив таким образом реальный христианский Восток и его деятелей представленными в учебнике Ибервега христианским Востоком и его деятелями, Ш. И. Нудубидзе легко сумел придти к заключению, к которому неудержимо стремился, а именно, что кроме Петра Ивера

¹ Тайна, стр. 11, 18, 17; Руставели, стр. 116.

² Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharia Rhetor, стр. 193.

³ Нужно отметить, что мнение о принадлежности ареопагитики ученику апостола Павла Дионисию имеет до последнего времени своих сторонников в лице видных ученых (Дарбуз, Френкель, Валтенвек, Морис, Шнейдер и др.).

⁴ Тайна, стр. 8.

⁵ Тайна, стр. 6; Руставели, стр. 114.

на Востоке не было человека, способного написать ареопагитику.¹ Но это слишком поспешное заключение. Даже и неспециалист по истории христианского Востока мог бы назвать не одно лицо, обладающее всеми признаками, которые, по необоснованному мнению Ш. И. Нуцубидзе, должны были быть присущи человеку, написавшему ареопагитику. Чем, например, хуже Петра Ивера соответствует критерию нашего автора Прокопий Газский, брат Захария Ритора, большой знаток философии, автор многочисленных теологических трудов и вдобавок современник Петра Ивера?

Как бы видя в лице Прокопия Газского опасного Петру Иверу соперника на роль автора ареопагитики, Ш. И. Нуцубидзе отводит его кандидатуру ссылкой на то, что Прокопий написал полемическую книгу против Прокла, между тем вся ареопагитика, по взгляду Ш. И. Нуцубидзе, без всякой критики повторяющего тут мнение немецких ученых (Коха, Штигльмайра),² базировалась на философии Прокла. Но Ш. И. Нуцубидзе впал в явную ошибку: свое мнение о Прокопии Газском он, повидимому, заимствовал не то из статьи Крюгера,³ не то из второго издания книги К. Крумбахаера по истории византийской литературы.⁴ Однако в 1899 г. было уже известно, что Прокопий не писал книги против Прокла,⁵ и ему лишь по ошибке был приписан отрывок из сочинения Николая из Метоны (Ἀνάπτυξις τῆς θεολογικῆς στοιχειώσεως Πρόκλου).

Но если бы даже Прокопий и не мог написать „Corpus Dionysiacum“, мало ли на христианском Востоке было образованных и талантливых лиц, кроме Прокопия и Петра Ивера? Возможно, что современники и биографы не называли ни одного из этих лиц ни „вторым Моисеем“, ни „вторым апостолом Павлом“, ни „украшением и гордостью Грузии“, как некоторые называли Петра Ивера. Но это не дает нам права утверждать, что Петр Ивер имеет больше оснований быть признанным за автора сочинений Псевдо-Дионисия, чем эти лица.⁶

Не многим удачнее попытка автора подтвердить свою гипотезу ссылкой на грузинские источники.

По утверждению Ш. И. Нуцубидзе, грузинский философ Иоанн Петрици (XII в.), переведший „Элементы теологии“ Прокла, пишет, что он „второй раз“ переводит на грузинский язык это сочинение, намекая этим на то, что до него Петром Ивером был сделан „интерпретированный перевод“ того же сочинения Прокла или „перевод-интерпретация“ (известная под заглавием „Книги о причинах“), о которой Псевдо-Дионисий в сочинении „Об именах божиих“ упоминает как о своей работе.⁷ Отсюда Ш. И. Нуцубидзе делает вывод, что Петрици хорошо знал, что автором ареопагитских книг был не Дионисий, живший в IV в. (т. е. раньше Прокла), а Петр Ивер, живший в V в. (т. е. после Прокла).

¹ Тайна, стр. 6—8.

² H. Koch. Proclus als Quelle des Pseudo-Dionysius. Philologus, 1895, стр. 843—454; J. Stiglmayr. Der Neuplatoniker Proclus als Vorlage des sogenannten Dionysius Areopagita in der Lehre vom Uebel. Histor. Jahrb. d. Görresgesellschaft, N. 2, 1895.

³ BZ, VIII, 1899, стр. 304.

⁴ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. 1897, стр. 126.

⁵ J. Stiglmayr. Die Streitschrift d. Prokopios v. Gaza. BZ, VIII, 1899, стр. 273.

⁶ Описывая жизнь Исаии, Захария Ритор отмечает, что к Исаии обращались за разрешением теологических вопросов, не разрешенных Петром Ивером (Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharia Rhetor, II. Anhang, стр. 270). Но это важное замечание Ш. И. Нуцубидзе пропустил.

⁷ Руставели, стр. 116.

К сожалению, и этот вывод Ш. И. Нуцубидзе не может быть принят, так как он основан на ложных предпосылках. Автор превратно понял слова Петрици, который, как это доказано знатоками древне-грузинского языка, вовсе не говорит, что он „второй раз“ переводит „Элементы теологии“ Прокла. Впрочем, если даже слова Петрици понять так, как их хочет понимать автор, то из них все же не вытекает, что лицо, раньше Петрици переведшее „Элементы теологии“ Прокла на грузинский язык, было непременно Петром Ивером и что этот Петр Ивер был Псевдо-Дионисием, который в сочинении „Об именах божних“ (гл. I) сообщает, что он написал (а не перевел) „Богословские очерки“ (θεολογικαὶ ὑποτιπώσεις), а не „Элементы теологии“ (στοιχειώσις θεολογική).

Займствовав у Коха и Штигльмайра мнение, что сочинения Псевдо-Дионисия написаны на основании „Элементов теологии“ Прокла, Ш. И. Нуцубидзе сперва произвольно приписывает это мнение Иоанну Петрици, чтобы потом самому удивляться, как это Петрици, не читавший ни Коха, ни Штигльмайра, говорил в XII в. то же самое, что лишь в конце XIX в. сказали эти немецкие ученые. Автор не замечает, что причина столь его изумляющего согласия между Кохом—Штигльмайром и Петрици находится не в Петрици, а в самом авторе, ибо факты литературной деятельности Петрици не дают оснований для утверждения, что он знал об ареопагитике то же самое, что говорят о ней Кох и Штигльмайр. Вместо того, чтобы исходить из непосредственного изучения этих фактов, с целью извлечь потом естественно вытекающую из них общую мысль, автор искусственно подгоняет их под предвзятую мысль, в готовом виде вычитанную им из книг, и реального Петрици подменяет вымышленным Петрици. Таким образом, автор не идет дальше репродукции и механического комбинирования чужих мнений, так как лишен прочной основы, доставляемой знанием фактов, а еще точнее — умением самостоятельно добывать эти факты. Вот почему, несмотря на кажущуюся оригинальность его гипотезы о Петре Ивере, она мало оригинальна, будучи сшита из пестрых лоскутков чужих мнений и не являясь органическим продуктом самостоятельного и длительного изучения фактического материала.

Не более убедительных результатов достигает наш автор при рассмотрении другого грузинского источника, привлекаемого им в качестве самого важного доказательства — тождественности Петра Ивера и Дионисия Ареопагита. Таким источником служит поэма Чахрухадзе XII в. „Тамариани“, которую проф. Нуцубидзе цитирует в неточном своем переводе.¹ Заранее вложив в перевод поэмы „Тамариани“ свое мнение о тождественности Петра Ивера с Псевдо-Дионисием, автор потом извлекает обратно это мнение как вполне доказанную истину.

По словам автора, поэт Чахрухадзе так же хорошо, как и все грузинское общество XII в., знал, что под псевдонимом Дионисия Ареопагита скрывается Петр Ивер, но, остерегаясь открыто заявить об этом из боязни навлечь на себя преследование со стороны церковной власти (NB — когда и почему грузинская церковь запретила упоминать о Петре Ивере, который, оказывается, был известен в Грузии как автор признанных всей христианской церковью ареопагитских сочинений, об этом ничего серьезного не сообщается в книгах Нуцубидзе), лишь путем намеков давал знать читателю, кто был настоящим автором

¹ Перевод этот издан Тбилиским Государственным университетом в 1942 г. Отзыв о нем см. в статье Вл. Орлова в журнале „Новый мир“, 1943, № 2—3.

ареопагитики. Так, например, Чахрухадзе пишет, что такую божественную особу, как царица Тамара,

Лишь воспел бы Аристотель
и Диона книг создатель.

Отчего здесь сказано „Диона книг создатель“, а не просто Дион? Ведь обычно не говорят „создатель книг Платона“, а говорят просто „Платон“. По мнению автора, такое отступление от обычной формы речи можно объяснить только тем, что грузинский поэт Чахрухадзе в XII в. намекал на то, о чем европейская наука узнала лишь после Лаврентия Валлы в XV в., а именно, что создатель книг Дионисия на самом деле не был Дионисием, т. е. что он был не действительным, а мнимым Дионисием или Псевдо-Дионисием.¹ Но кто же тогда был действительным создателем книг Дионисия? Ответ на этот вопрос, по мнению автора, Чахрухадзе дает в начале той же поэмы, где сказано:

Вы, мудрословы, мира основы,
Славьте Тамары мысль могучую.
Лишь Дионосу, вторя Эносу,
Петь, славословя, всемогущую.

В этих словах поэмы, по утверждению Ш. И. Нудубидзе,² содержится указание на то, что создатель книг Дионисия, или мнимый Дионисий, есть Петр Ивер, о котором поэту Чахрухадзе, по якобы хранившейся в Грузии традиции, было хорошо известно, что он дружил в Сирии с Энием или Эносом и как „грузин родом мог оказаться для воспевания грузинской царицы Тамары более подходящим, чем даже Платон и Аристотель“.³ Оттого как раз Чахрухадзе среди „мудрословов“, достойных воспеть Тамару, „на первом месте называет Дионисия“, хотя Чахрухадзе не мог, конечно, не знать, что в „мудрословии“ Дионисий уступал Платону и Аристотелю.⁴

Вряд ли и это рассуждение Ш. И. Нудубидзе можно признать правильным. Если Чахрухадзе, как это утверждает автор, думал, что Петр Ивер лучше Платона и Аристотеля справился бы с ролью певца царицы Тамары только по той причине, что он был „грузин родом“, а Платон и Аристотель не были грузинами, тогда выходит, что Чахрухадзе роль певца царицы Тамары считал привилегией уроженцев Грузии. Но это столь откровенная форма преклонения перед принципом рода, что едва ли в таком преклонении мог быть повинен Чахрухадзе, просвещеннейший сын Грузии XII в., которая не знала, что такое племенная исключительность и с одинаковой благожелательностью относилась к гражданам разных племен и разных вероисповеданий. Кроме того, какая была бы честь для царицы Тамары, если бы Чахрухадзе сказал, что хорошо воспеть ее может только грузин? Ведь это было бы скорее умалением ее достоинства и славы, ибо слава человека больше, когда в его воспевании иноплеменники не уступают соплеменникам.

¹ Тайна, стр. 49; Руставели, стр. 227.

² Тайна, стр. 51; Руставели, стр. 228. Автор упускает здесь из виду качественное различие между поэтической речью и обычной, разговорной речью.

³ Тайна, стр. 49.

⁴ Руставели, стр. 226—227.

Далее, чтобы иметь возможность намекнуть на то, что книги, ложно приписанные Захарием Ритором Дионисию, были составлены Петром Ивером, другом Эния, Чахрухадзе сам должен был знать все это. Откуда же Чахрухадзе, поэт XII в., мог почерпнуть такое знание? На этот вопрос у проф. Нуцубидзе находим только такой ответ. Чахрухадзе знал о тождестве Петра Ивера с Псевдо-Дионисием и о дружбе первого с Энием на основании „традиции, хранившейся в Грузии“.¹ Однако едва ли этот ответ можно признать убедительным: одна лишь устная традиция вряд ли могла на протяжении семи веков, протекших между Петром Ивером и Чахрухадзе, сохранить в Грузии такие подробности о „философских взаимосвязях“ в Сирии V столетия. Такая живучесть устной традиции противоречит всякой вероятности.² А о существовании письменных традиций и сам автор не решается говорить. Поэтому падает и все предложенное им толкование стихов Чахрухадзе, которые к тому же в грузинском подлиннике ничего не говорят ни о дружбе Петра Ивера с Энием, ни о „создателе книг Диона“.

В самом деле, у Чахрухадзе сказано: тебе, царица Тамара, подобало бы получать песнопенья „от Дионисия, как и от Эноса“. А Ш. И. Нуцубидзе перевел это место так: тебя следовало бы воспевать

Лишь Дионосу, вторя Эносу.

Даже если принять этот перевод, то из него все-таки не видно, что Дионос и Энос были друзьями. Разве „вторить“ значит быть в дружбе? Декарт „вторит“ Августину, объявив самодостоверность „я“ началом философии, но это не значит, что Декарт и Августин были современники, связанные между собой дружбой.

Тем менее говорит о дружбе Дионоса и Эноса грузинский текст поэмы Чахрухадзе, где вовсе нет эквивалента русского слова „вторя“. Что же касается следующих стихов перевода:

Лишь воспел бы Аристотель
И Диона книг создатель,

на которых автор возводит свое положение, будто Чахрухадзе было известно о том, что „*Corpus Dionysiacum*“ написал не Дионисий, то вместо них в грузинском подлиннике сказано следующее: „Тебя подобало бы воспевать книгами Аристотеля и Диона“. Никакого намека на то, что автор ареопагитики был не Дионисием, а Петром Ивером, в подлиннике поэмы Чахрухадзе не содержится. Этот намек Ш. И. Нуцубидзе сам в своем переводе поэмы „Тамариани“ подложил поэту Чахрухадзе в 1942 г., чтобы потом в 1948 г. извлечь его обратно в своих работах „Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита“ и „Руставели и Восточный Ренессанс“.

Итак, грузинские источники, вопреки мнению проф. Нуцубидзе, не подтверждают его гипотезы, что сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита были написаны Петром Ивером, а вместе с тем вся эта гипотеза оказывается лишенной оснований.

С. И. Данелиа

¹ Руставели, стр. 228; Тайна, стр. 27, 48.

² „Как долго можно верить устной традиции? Ньютон полагал, что ей можно доверять в течение 80 лет. Другие определяли срок в 40 лет. Но если это значит, что мы можем доверять рассказу, который циркулирует в течение 40 лет после события, то срок чрезмерно преувеличен“ (В. Минто. Индуктивная и дедуктивная логика, 1902, стр. 196).